

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

СЕВЕРО-ЗАПАД:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ

СЕДЬМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ШЁГРЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей

«Европейский Дом»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Сельские международные Шёгреновские чтения. *Сборник статей* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2016 — 422 с., илл.

North-West: Ethno-Confessional History, Historical and Cultural Landscape. The Seven Sjögren's readings. Collected articles. — Saint-Petersburg — Publishing house "Evropejsky Dom" — 2016. — 422 p., ill.

Сборник содержит статьи докладов Седьмых Шёгреновских чтений (март 2015 г., РЭМ), подготовленные специалистами научных, культурных учреждений и учебных заведений Российской Федерации: Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Сыктывкара, Мурманска, Великого Новгорода, Твери, Череповца, Выборга, Устьянска, а также Эстонии.

На Чтениях было продолжено обсуждение ставшей традиционной темы — «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ЗАПАДА». В число участников, наряду с этнографами и историками, вошли географы, фольклористы, лингвисты, культурологи, специалисты в области ГИС-технологий и краеведы. Многие публикации содержат конкретный опыт и результаты современного картографирования различных явлений культуры, итоги полевой и архивной работы. Сборник состоит из пяти взаимосвязанных разделов: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта», «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности», «Граница как социально-культурный феномен», «Региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия» и «Историко-культурный контекст и личность».

Издание, как и предыдущие сборники, предназначено не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей этнокультурного ландшафта, его эволюцией и динамикой наряду с религиозной историей, биографиями исследователей Северо-Запада и пограничных территорий: Эстонии, Финляндии, Литвы, отчасти Приуралья и Поволжья.

The collection contains articles and report abstracts of specialists of scientific, cultural and educational institutions of the Russian Federation from Saint Petersburg, Moscow, Petrozavodsk, Veliky Novgorod, Syktvykar, Vyborg, as well as from Lithuania, Estonia and Finland, prepared for the Seventh Sjögren's Readings held in March of 2015 at the Russian Museum of Ethnography. The Readings continued a discussion on the subject that became traditional — "HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTH-WEST". Among the participants of the Readings alongside with ethnographers and historians were geographers, folklorists, linguists, culture experts, specialists in the field of GIS technologies and regional ethnographers. Many publications contain particular experience and results of up-to-date mapping of various culture phenomena, results of the field and archive work. The collection consists of five interconnected sections: "Regional studies of the North-West Region and Neighboring Territories: History and Topics of Modern Studies in Ethnic History and Historic- Cultural landscape", "Confessional History of the North-West Region in Past and Present: Church and Parish Life, Interaction of Churches, Missionary Work, Character and Forms of Religiosity, "Regional Ethno-Confessional, Ethno-Linguistic and Ethno-Folkloric Maps: Innovative Methods and Geo-informative Technologies of Cultural Heritage's Study and Presentation" "The border as a social and cultural phenomenon" and "Historical and cultural context and personality".

The edition, like the previous collections, is meant not only for specialists, but for those who are interested in history of the ethno-cultural landscape, its evolution and dynamics, alongside with religious history, biographies of the researchers of the North-West and frontier territories: Estonia, Finland, Lithuania, partly near Urals region and the Volga region.

**Печатается по решению
Редакционно-издательского совета РЭМ**

Редколлегия: *В.М. Грусман, Е.Н. Кальщиков*

Научные редакторы: *Н.И. Ивановска, О.М. Фишман (отв. ред.)*

Рецензент: *Г.А. Исаченко*

Редакторы: *И.В. Белобородова, О.О. Брашнина*

ISBN 978-5-8015-0366-0

© Российский этнографический музей, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Европейский Дом», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

О.М. Фишман. Введение: итоги Шёгреневских чтений (2006–2015) ♦ 6

Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта

- А.С. Герд. Типы языковых состояний, параметры их выделения и этнография ♦ 14
- М.Л. Засецкая.* Первая всеобщая перепись населения 1897 г. — источник по демографической и социо-культурной истории «петербургской группы» эстонцев-переселенцев ♦ 19
- С.Б. Егоров.* Эстонцы восточной части Ленинградской области (конец XIX—XXI в.) ♦ 30
- Т.А. Шрадер.* Норвежский фермер в российской печати конца XIX в. ♦ 39
- А.А. Заньковская.* Саамы Кольского полуострова по данным В.К. Алымова (1924 г.) и Первой всесоюзной переписи населения СССР 1926 г. ♦ 52
- А.А. Чувьоров.* Кольские коми-ижемцы: импульсы и маркеры конструирования этнической идентичности ♦ 59
- Д.В. Верховцев.* Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках ♦ 70
- А.В. Крюков.* Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке ♦ 78
- А.А. Михайлова.* Репрезентация этнической культуры в мегаполисе: литовские инициативы в Санкт-Петербурге ♦ 92
- О.М. Фишман.* Литовские проекты Российского этнографического музея ♦ 105
- В.Б. Зернов.* Этнография в национально-территориальной геральдике финнов Ингерманландии ♦ 114
- Л.И. Иванова.* Локус бани в карельской мифологической прозе и заклинательной поэзии ♦ 120
- Н.В. Ушаков. 30 лет полевых исследований в Ленинградской области: динамика направлений и методики изучения ♦ 132

Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности

- А.Ю. Котылев.* Модель преобразования культурного пространства в житиях православных миссионеров (Кирилл Солунский, Леонтий Ростовский, Стефан Пермский, Трифон Вятский) ♦ 141
- И.Н. Котылева.* История почитания первых пермских епископов свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII—XVIII вв. на Европейском Севере ♦ 149
- А.Н. Старицын.* Соотношение светского и церковного административного устройства в Поморье во второй половине XVII в. ♦ 157
- А.Ю. Жуков.* Престольные праздники Важинского Присвярья XVI—XVIII вв.: история формирования карел-людииков ♦ 170
- Л.В. Королькова.* Часовенные праздники населения восточных районов Ленинградской области. Опыт комплексного исследования ♦ 178

- А.А. Истомин.* Канунное пиво и часовенные праздники на территории современного Устьянского района Архангельской области в XIX в. ♦ 188
- Н.В. Алексеева.* Покаянная практика в провинциальном городе Европейского Севера России в конце XIX—начале XX в. ♦ 196
- А.С. Давыдова.* Специфика православной традиции на Кольском Севере в этнографических источниках конца XIX—начала XX в. ♦ 204
- М.И. Антипин.* Старообрядцы-филипповцы верховьев Северной Двины в отчётах миссионера господствующей церкви на рубеже XIX—XX вв. ♦ 210
- И.А. Мельников.* Военные поселения Новгородской губернии и «раскольники»: религиозно-ментальный и культурно-исторический контекст ♦ 218
- Т.К. Никольская.* Особенности развития русского протестантизма на Северо-Западе ♦ 224
- В.И. Мусаев.* Шведоязычная паства Русской православной церкви (конец XIX—начало XX в.) ♦ 235
- М.В. Шкаровский.* Католическая община Ленинграда в годы Великой отечественной войны ♦ 240
- Е.В. Бусырева.* Из истории лютеранских приходов Мурманской области (по материалам полевых исследований) ♦ 248
- О.В. Калинина.* Религиозная жизнь сету и русских Печорского района Псковской области в условиях антицерковной государственной политики 1950–1970-х гг. ♦ 253
- М. Кыйва.* Процесс восстановления паломнической традиции в Эстонии в XXI в. ♦ 264
- Л.С. Гузян.* Армянская община Санкт-Петербурга: этноконфессиональные аспекты исследования (конец XX—XXI в.) ♦ 272

Граница как социально-культурный феномен

- В.Г. Мизин.* Каменные лабиринты Финнмарка и Русского Севера как маркеры средневековых рыбацких общин ♦ 279
- А.Л. Потравнов, Т.Ю. Хмельник.* Каменные кресты Балтийского региона ♦ 286
- И.Н. Ружинская.* Староверы Лехты: дифференциация границ ♦ 296
- Е.Ю. Дубровская.* Карельское приграничье в военно-политических конфигурациях 1918 года: предыстория противостояния сторон на заключительном этапе Первой мировой войны ♦ 302
- Ю.И. Мошник.* Военное управление Восточной Карелии и его деятельность по сохранению церковных ценностей на оккупированных территориях (1941–1944 гг.) ♦ 310

Региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия

- О.А. Красникова.* О картах политико-административного деления территории Санкт-Петербургской губернии / Ленинградской области XVI—XXI вв. ♦ 318

- В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова.* Историко-топографическая каталогизация православных церквей Новгородской области (предварительные итоги) ♦ 328
- А.И. Савинова, Ю.В. Степанова.* Расселение и демография вышневолоцких карел во второй половине XVIII–XIX в. ♦ 336
- И.Ю. Винокурова.* Вепсская культурная топография: банные ритуалы, связанные с рождением, здоровьем и смертью человека ♦ 345
- А. Куперьянов.* Первый опыт применения GPS-анализа фольклорных текстов ♦ 357
- В.Б. Бовин.* Использование приложения ELAN в работе с фольклорно-этнографическими материалами ♦ 365

Историко-культурный контекст и личность

- Н.И. Ивановская.* Исследователь народной архитектуры Р.М. Габе – представитель творческой интеллигенции многонационального Петербурга ♦ 374
- С.А. Минвалеев.* Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам этнографической экспедиции Р.Ф. Тароевой в 1950-е гг.) ♦ 385
- Е.В. Марковская.* В.П. Гудков: возрождение музыкального инструмента кантеле и создание ансамбля «Кантеле» в Карелии в 1930-е гг. ♦ 395
- А.С. Лызлова.* Вклад Унелмы Семеновны Конкка в изучение карельских народных сказок: исследовательская и издательская деятельность в 1960-е гг. ♦ 402
- Н.М. Романова.* Чиновный мир Петроградского Комиссариата по делам национальностей (1918–1923 гг.) ♦ 411

Список сокращений ♦ 416

Список авторов ♦ 419

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО
СОХРАНЕНИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.
1941–1944 гг.

С самого начала оккупации в июле 1941 г. проблема защиты и сохранения памятников старины, церковного деревянного зодчества и народного искусства Восточной Карелии волновала финских ученых – этнографов, археологов, искусствоведов. Тема драгоценного для Финляндии национального наследия, почти не изученного, не имеющего образцов и аналогов в музеях Финляндии, отразилась в большом количестве документов. Научное обоснование неразрывной историко-культурной связи Восточной Карелии с остальной Финляндией отвечало военно-политическим целям государства, устанавливающего новые «стратегические»¹ границы. Самым сложным было то, что защищать культурные и художественные ценности следовало и от неприятеля, и от собственной армии. Работу следовало начинать безотлагательно, поскольку, как подтверждают многочисленные свидетельства участников событий, уже в начальный период оккупации мародерство и охота за военными трофеями были повсеместным явлением в среде финских военнослужащих. О. Пааволайн в своей книге воспоминаний «Мрачный монолог» отмечал, что *«неистовство в сборе сувениров достигло такого размаха, что все отправляющиеся к месту отдыха рюкзаки и пакеты теперь нуждались в осмотре силами военной полиции»*². Поэт М. Хаавио в одном из писем из Олонца прямо называет грабителей: *«Собирание в этих местах разнообразных предметов старины идет полным ходом и каждый, а из них лишь немногие хоть что-то понимают, старается ими незаконно запасться, где только успеет. Собирание предметов старины следовало бы доверить кому-то из сотрудников Национального музея, и не ослаблять свою предприимчивость в этой области. <...> В этих краях сейчас расквартированы части, сформированные из шведоговорящих подразделений из Похьянмаа, которые еще во время Зимней войны рыскали кругом, словно шакалы или саранча египетская, и у которых нет никакого понятия о морали, частной собственности и уважении к наследию старины, но у которых неразборчивость в средствах своего обогащения является определяющей»*³. В начале 1942 г. о почти катастрофическом состоянии церковных ценностей, пострадавших при советской власти и уничтожаемых при наступлении финской армии, сообщал в Государственную научную комиссию Восточной Карелии и выдающийся археолог

¹ Барышников Н.И., Лайдинен Э.П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: Издательство РХГА, 2013. С. 128–129.

² Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Helsinki: Otava, 1963. S. 149.

³ Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjallisuusarkisto, SKSKIA (Литературный архив Финского литературного общества, Государственная научная комиссия Восточной Карелии) В 2064 а. – Письмо М. Хаавио К. Вилкуна от 24.04.1942.

С. Пяльси⁴. Справиться с этой непростой ситуацией должна была новая финская администрация.

Военное управление Восточной Карелии (далее – ВУВК) было образовано 15 июля 1941 г. в Миккели, при главной Ставке, а с осени 1941 г. действовало в Йоенсуу. Работа по изучению, охране и собиранию историко-культурных ценностей была возложена на просветительский отдел управления, в задачи которого входила, по преимуществу, непосредственная работа с населением. Специалиста, который мог бы организовать надзор за памятниками истории и культуры на занятых финскими войсками территориях первоначально в отделе не было, как не было и понимания того, какие первоочередные меры следовало предпринять, чтобы защитить от разграбления и уничтожения деревянные храмы и часовни, иконы и церковную утварь. С просьбой о подготовке программы по учету, сбору и сохранению памятников старины просветительский отдел штаба ВУВК обратился к профессору этнографии К. Вилкуна. В отчете отдела за июль-октябрь 1941 г. отмечалось: *«По просьбе отдела д-р Кууста Вилкуна составил в августе меморандум о сохранении памятников культуры в Восточной Карелии. <...> Отдел принял решение, что в нем должна быть введена новая вакансия офицера отделения, на которую следует принять военного чиновника, являющегося служащим Национального музея»*⁵. В архивах Финляндии сохранился и подготовленный К. Вилкуна меморандум. В нем, в частности, отмечено: *«При сохранении вещественных памятников следует обращать внимание на то, что старые предметы не во всех случаях можно в нетерпении начинать собирать для научной работы. Если предмет сохраняется для музея, необходимо получить точные сведения о его бытовании, наименовании, назначении и т.д. Нельзя все собирать для музеев, сбору подлежит лишь столько, сколько может иметь значение для пополнения коллекций Национального музея, и только те предметы, которые достаточно представительны и хороши для коллекций будущих музеев Беломорской и Олонецкой провинций. <...> Кроме того, собранные предметы открывают и новые возможности для местных музеев, которые уже имеются в Шелтозеро и Лодейном поле. Образование музея в Шелтозеро особенно важно, поскольку это единственный в мире венский музей <...> Сбор предметов с самого начала следует со всей поспешностью дополнить фотофиксацией, выполнением обмерных чертежей и иных памятных записей...»*⁶. Конкретные предложения по охране церковной архитектуры и

⁴ См.: По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы / Сост. А.В. Климова, В.Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 2005. С. 200–201.

⁵ Kansallisarkisto. Sotaarkisto, KA.SA (Национальный архив Финляндии. Военный архив. Просветительский отдел Восточной Карелии) T-7342/4. – Рапорт о работе отдела за 23.07.41–10.10.41.

⁶ SKSKIA (Литературный архив Финского литературного общества, Государственная научная комиссия Восточной Карелии) В 2064 а. – Вилкуна К. Меморандум о сохранении памятников старины Восточной Карелии. 18.08. 1941

церковного имущества высказал С. Пяльси в письме в Государственную научную комиссию Восточной Карелии: «Совершенно нетронутые церкви и часовни, которые никаким образом не были использованы большевиками, и в интерьерах которых сохранились образа – эти церкви следует запереть от посторонних зевак, в числе которых всегда могут оказаться собиратели “военных сувениров”. Разумеется, было бы желательно, чтобы прямо в этих сохранившихся в прежнем виде и дорогих карельскому народу святынях по возможности часто совершались богослужения. Поврежденные войной, но прежде целые, сохранившиеся церкви следует полностью закрыть, и поскольку они не могут быть в достаточной степени защищены от дождя, их убранство должно быть перемещено в закрытые хранилища. <...> Собранные финнами коллекции образов должны быть помещены под замок, и непозволительно публично экспонировать. С этих выставок все исчезает как “военные сувениры”. <...> Иконы, перенесенные из храмов в карельские дома, не следует забирать с места их хранения. Это может, конечно, сблизить народ с православным духовенством, но иконы в этих местах будут в большей сохранности. Местом, где можно собирать иконы, должны стать опустевшие церкви, которые заперты, а ключи от них переданы духовенству. Иконы, которые имеются в частных руках карел, находятся под угрозой: случайных знакомых семьи – финнов пускают в дом, а они выпрашивают и получают в дар иконы или же покупают их... Специфика карельского народного духа такова, что следует избегать внушать народу представления, что финны якобы вывозят церковные памятники силой, и что эти памятники вывозятся из Карелии безвозвратно. Также у народа не должно сложиться мнение, что очевидным образом в будущем иконы окажутся выставленными в каком-нибудь музее. В народном сознании существует представление, что сбор предметов для музея – это что-то безбожное, и карелы даже представить спокойно не могут, что их иконы будут выставлены где-то среди заспиртованных гадов и анатомических препаратов. Для настоящего музейного собрания довольно будет незначительной части церковного наследия Карелии. В приведенных в порядок церквях поместится очень много икон и иной ритуальной утвари, и в храмах эти дорогие народу произведения искусства останутся живыми предметами, составляющими наследие православной культуры. Ремонтируя свои храмы, народ с радостью принесет в жертву эти поврежденные большевиками иконы»⁷. Как видим, на первом этапе войны перемещение икон воспринималось как временная и вынужденная мера, а музеефикация была выборочной и осторожной.

В ноябре 1941 г. в штат просветительского отдела был зачислен сотрудник Национального музея Э. Никкиля, которому предстояло стать организатором и движущей силой всей музейной работы на оккупированных территориях. Деятельность Никкиля была

⁷ SKSKIA. В 2064 а. – Письмо С. Пяльси в комиссию от 31.3.1942.

направлена на создание центрального музея Восточной Карелии в Янислинна (Петрозаводске), отправке особо ценных предметов в Хельсинки и, что было особенно важно, на установление взаимосвязей с частями действующей армии. Никкиля составлял разнообразные распоряжения и инструкции по сбору и учету церковных и иных ценностей, заботился об упаковке и транспортировке предметов, инспектировал территорию, вел переписку с музеями, готовыми временно принять и провести первичную консервацию предметов. При этом, он действовал, скорее как хозяйственник, чем как историк искусства. В апреле 1942 г. группа войск «Олонец» получила приказ о сохранении памятников культуры на территории военных действий, текст которого был подготовлен Никкиля. Согласно тому же приказу были закрыты две церкви и часовня в Александро-Свирском монастыре, поскольку они не были достаточно надежно защищены от мародерства. В том же месяце собранные лейтенантом Л. Санту и рядовым С. Тохка изъятые их храмов ценности, хранившиеся в здании музея в Петрозаводске, были отправлены в Хельсинки. Как следует из рапорта за апрель–июнь 1942 г., образцы художественной резьбы по дереву отправлялись в Атенеум, иконы – в Национальный музей⁸. Примечательно, что в приказе об отправке художественных ценностей в музеи столицы комендант ВУВК подчеркивал, что предметы передаются на хранение временно и остаются собственностью ВУВК. Вопрос о собственности был принципиален, поскольку предметы, собранные армейскими подразделениями, находились в административном управлении этих воинских частей. В начале 1943 г. штаб ВУВК заключил соглашения о передаче штабу *«подлежащих сохранению православных церковных принадлежностей»* от VII-го армейского корпуса⁹. Такое же соглашение было заключено между штабом ВУВК и группой войск «Олонец» и Трофейной комиссией.

Собранные воинскими подразделениями и специалистами иконы и церковное имущество переправлялись, преимущественно, в Петрозаводск, где они складировались в нескольких помещениях: в здании музея и двух хранилищах, одно из которых размещалось в бывшей гарнизонной церкви, а второе в доме по адресу ул. Карельская, 49. Центральный музей Восточной Карелии «унаследовал» часть ценных археологических предметов и художественных ценностей, собранных в годы советской власти, но основу его коллекции должны были составить характерные и яркие образцы народного творчества карел. Как отмечает Т. Пимия, музей приходилось тщательно охранять, чтобы ценные экспонаты не стали добычей мародеров¹⁰.

⁸ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т–7342/4. – Рапорт о работе отдела за 01.04.42–30.06.42.

⁹ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т–5684/7. – Соглашение между 7-м Армейским корпусом и штабом ВУВК. 31.03.1943.

¹⁰ Pimiä T. Greater Finland and cultural heritage // Finland in World War II: History, Memory, Interpretations/ edited by Tiina Kinnunen, Ville Kivimäki. Boston: Brill, 2012. P. 410.

В конце 1942 г. хранилища в Петрозаводске были осмотрены историком искусства Б. Хинтце, директором хельсинкского Зала искусства (Taidehalli), который совершил инспекционную поездку по храмам Восточной Карелии. В отчете Хинтце констатирует плохое состояние хранилищ, высокую влажность, тесноту и неизбежные при таком положении вещей повреждения художественных ценностей. *«Более половины всех икон имеют существенные повреждения от влажности», – пишет он, – «красочный слой отстаёт и трескается, и разрушение продолжается, поэтому требуется незамедлительно начать мероприятия по их сохранению. По результату быстрой инвентаризации, поскольку материала слишком много, и по той причине, что предметы были неоднократно переписаны, я не могу дать заключения и отобрать наиболее важные в художественном отношении и с точки зрения истории искусства иконы, из которых, по крайней мере, некоторые восходят к XVI веку; они обнаруживают, что в восточнокарельской иконописи уже в то время ярко проступали местные, отличающиеся от русской иконописной традиции, черты. Эти иконы следует при первой возможности, тщательно упаковав, отправить в Национальный музей в Хельсинки, где они получат надлежащий уход, и это сможет их защитить от продолжающегося разрушения»¹¹.* При осмотре памятников деревянного зодчества Карелии, Хинтце, естественным образом, большое внимание уделяет храмам Кижей: *«Я оставил фенрику Ларсу Петтерссону, который командирован в Восточную Карелию для изучения церквей и церковных предметов, подробную опись икон, которые в любом случае нужно отправлять отсюда на реставрацию. – В большом хранилище икон, которые собрал лейтенант Санту в окрестных церквях и часовнях, и которые в настоящее время хранятся в Зимней церкви в Кижях, я отобрал те произведения, которые по своему художественному уровню и значению для истории искусства подлежат, хоть они в плохом состоянии, первоочередной отправке в Яанислинна на хранение».* В Преображенской церкви Хинтце отмечает элементы проведенной в советские годы реставрации икон, которая, по мнению искусствоведа, была выполнена на крайне низком уровне.

В некоторых случаях требующие немедленной консервации коллекции сразу переправлялись в Хельсинки. Так было, например, с коллекцией, собранной в Ювалакше в начале 1942 г. Опись предметов, поступающих на временное хранение в Национальный музей, была самой приблизительной. В ней фигурировали, например, *«20 единиц икон», «три головных убора для литургии», «две большие иконы», «8 икон на дереве», «картина, расписанная под металлический оклад», «два сломанных подсвечника» и «одна икона медная*

¹¹ КА.СА (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-5684/7. – Отчет о работе проф. Б. Хинтце. 23.12.1942.

восьмиугольная»¹². По всей видимости, в одной коллекции были представлены образцы старообрядческого медного литья и традиционные православные образа. Научное описание церковных предметов специалистами не входило в первоочередные задачи ВУВК, и предполагалось, что эта работа будет проведена позднее.

Упомянутый в рапорте Б. Хинтце фенрик Л. Петтерссон – вероятно, наиболее заметная фигура в истории изучения храмов Карелии в период оккупации. Его стараниями к концу 1943 г. были инвентаризованы 24 деревянные церкви 97 часовен Заонежья. Выполненные им описи и чертежи детально фиксировали расположение икон в пространстве храмов, поскольку после завершения военных действий и проведения реставрации планировалось возвращение икон в места бытования¹³. В Национальном архиве Финляндии сохранились сделанные рукой Петтерссона описи, отчеты, подготовленные им рекомендации. В д. Космозеро Петтерссон познакомился с крупнейшим иконописцем Заонежья И.М. Абрамовым и настоял на приобретении ВУВК его иконописной мастерской. Петтерссон писал в Археологический комитет: *«Поскольку ясно, что кроме местных иконописцев есть также иконописцы в других частях Восточной Карелии, и что они принадлежат к так называемой восточнокарельской школе живописи, было бы важно заполучить в соответствующий государственный музей реконструированную иконописную мастерскую, в которой посетители музея могли бы познакомиться с атмосферой изготовления икон на различных этапах. <...> Абрамов, который из-за плохого зрения уже не может писать иконы, был бы рад продать все требуемые для этого инструменты, наброски, а также свои незаконченные и полуготовые иконы. <...> Обращаю внимание, что, например, в русских музеях, насколько известно, не имеется подобной художественной мастерской, и ее организация имела бы историко-культурное значение как единственная в своем роде»*¹⁴. На приобретение мастерской было выделено 8000 марок. Позднее Военное управление приобрело у наследницы три иконы работы иконописца старшего поколения П. Федотова. По мнению Петтерссона, иконописная мастерская должна была стать частью музейного пространства Центрального музея Восточной Карелии. Однако штаб ВУВК вел с переговоры об отправке коллекции в Тампере. В 1943 г., когда ситуация на фронте изменилась, собранные в Петрозаводске иконы начали готовить к вывозу в Финляндию. В марте были полностью готовы описи икон кижских церквей для эвакуации, в которые вошло 177 икон, архивные материалы и церковный текстиль. В том же году командование ВУВК выдало разрешение на отправку в Хельсинки, в музей под

¹² KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-5684/6. – Письмо и.о. начальника Просветительского отдела Ю. Вуорйоки и Э. Никкиля в Исторический отдел археологического комитета.

¹³ Laine A. Tiedemiesten Suur-Suomi – Itä-Karjalan tutkimus jatkosodan vuosina // Historiallinen Arkisto 102. Helsinki: SKS, 1993. S. 171.

¹⁴ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-5684/7. – Письмо Л. Петтерссона в Археологический комитет от 30.12.1942.

открытым небом Сеурасаари, деревянной часовни XVI-го в. из Наволока в Мунозерской волости¹⁵.

Как и Никкиля, Петтерссон принимал решение об изъятии икон их церквей и часовен в случаях, когда постройки были повреждены в ходе военных действий и иконы могли быть украдены или пострадать от холода и влажности. Опасения не были беспочвенными, поскольку были случаи, когда даже в здание музея проникали воры. В рапорте Военного управления за первое полугодие 1943 г. отмечено, что собранные фенриком Петтерссоном церковные ценности перевезены им в Яанислинна и в Великую Губу, и что *«в апреле и мае трижды были выломаны окна в музее, откуда были похищены предметы и сломаны многочисленные макеты. Полиция выявила виновных 12 малолетних и двух совершеннолетних. Предметы возвращены обратно на двух подводах»*¹⁶.

За время войны в музее Петрозаводска скопилось около 950 различных предметов музейного значения, из которых около половины были эвакуированы во Внутреннюю Финляндию, когда произошел перелом в войне. Часть церковных ценностей была отправлена на выставку, организуемую в Тайдехалли в Хельсинки. В очередном рапорте о деятельности просветительского отдела штаба ВУВК отмечалось, что *«в январе планировалась организация выставки карельских икон в Хельсинки, но по приказу Ставки пришлось уже полностью готовую к открытию выставку отменить из-за изменившихся обстоятельств»*¹⁷. Из оказавшихся к этому времени в Финляндии около 500 предметов большая половина нашла защиту в замке Турку, а остальное оставалось ждать более мирного времени по разным уголкам страны: в Пялькяне, Рауталампи и Куусамо¹⁸. Экспонаты выставки в Хельсинки были переданы Советскому Союзу при посредничестве наблюдательной комиссии. Тем не менее, часть икон, собранных Петтерссоном, так и осталась в замке Турку – без инвентарных номеров, без охраны и без нормальных условий хранения. Сюжет о невозвращенных иконах внезапно «всплыл» в 1974 г., когда сотрудник музея в Турку обратился к президенту У.К. Кекконену и рассказал ему о тайно хранящихся в замке карельских иконах. После совещания с президентом, научный сотрудник сдал иконы на хранение Музейному ведомству в Суоменлинна, откуда они лишь в 1989 г. были перемещены в центральное хранилище в Ориматтила и включены в музейное собрание¹⁹. В 2005 г. на основе этих икон музей Турку подготовил выставку «Страшный суд. Иконы из Восточной Карелии», которая в последние

¹⁵ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-5684/7. – Рапорт Ю. Вуорйоки в Ставку. 19.11.1943.

¹⁶ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-5684/6. – Рапорт об отчете отдела за 01.01.1943–30.06.1943.

¹⁷ KA.SA (Просветительский отдел Восточной Карелии) Т-7342/4. – Рапорт о работе отдела за 1.01.44 – 30.06.44.

¹⁸ Pimiä T. Tähtäin idässä. Suomalainen sukututkimus toisessa maailmansodassa. Yväskylä: Yväskylän yliopisto, 2009. S. 247.

¹⁹ Ibid. S. 248.

годы уже демонстрировалась в Хельсинки, Лаппеенранте и Хямеенлинна. Помимо этих икон, в Финляндии, в Национальном музее, имеются вывезенные из советской Карелии в 1941–1944 г. и переданные музею различными лицами иконы – из числа тех, что попали в Финляндию как «военные сувениры».

Можно констатировать, что деятельность Военного управления Восточной Карелии и связанных с ним специалистов по сохранению и изучению церковных ценностей Карелии имела двойственный результат. Финским исследователям удалось за короткое время проделать огромную работу по инвентаризации, фотофиксации и защите икон и церковного имущества. Вместе с тем, обеспечить этим ценностям должные условия для хранения и изучения они не смогли. Стремление любой ценой расширить за счет карельских древностей и памятников искусства культурное наследие Финляндии в конечном этапе возобладало над разумными требованиями обеспечения безопасности художественных ценностей в военное время.